

РОССИЯ И ГРЕЦИЯ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в. из истории политики России на ионических островах (1798—1807)

А. М. СТАНИСЛАВСКАЯ

История политики России в Адриатике в 1798—1807 гг. до сих пор по существу почти не изучена¹. Анализ социальной политики русского правительства на Ионических островах в 1798—1807 гг. и раскрытие той прогрессивной роли, которую сыграла Россия в этот период в истории освободительной борьбы греческого народа, в истории образования Ионической республики — первого греческого национального государства — представляет особый интерес для советского историка. В зарубежной буржуазной исторической литературе этот вопрос обычно обходится молчанием.

Одной из отличительных и наиболее своеобразных черт международных отношений в конце XVIII в. было резкое изменение обстановки и соотношения сил в восточной части Средиземноморья. Активность Франции чрезвычайно возросла не только на Средиземном море и на Востоке, но и на Балканах и в Адриатике. В июне 1797 г. Франция завладела Ионическими островами (договор в Кампо Формио в октябре 1797 г. лишь оформил фактическое положение вещей). 19 мая 1798 г. французский флот вышел из Тулона и Генуи, направляясь к Египту. Египетский поход Бонапарта резко обострил противоречия России и Франции. Завоевание Францией Египта и Сирии, преобладание ее на Средиземном море и в Адриатике, образование французской империи на Востоке создавали непосредственную угрозу для русского Причерноморья, откуда Франция давно мечтала вытеснить Россию. Талейран призывал Директорию разрушить Севастополь и Херсон². В конце 90-х годов во французской политике появляется мысль об отторжении Крыма от России (подобный план в 1798 г. выдвигал Талейран). В Греции и Албании французские агенты по указке Бонапарта вели пропаганду в пользу Франции. Приказ Бонапарта о смертной казни для жителей Ионических островов, поддерживающих политические или торговые сношения с Россией, и арест французскими властями русского консула на о. Занте показали, что Франция намерена положить конец экономическим и политическим связям России с Грецией и Албанией.

Россия приняла участие в новой коалиции держав против Франции, заключив союз с Англией, Турцией и Неаполем. Турция дала разрешение на свободный проход русского военного флота через Босфор и Дарданеллы на время войны против Франции. Одной из важнейших

¹ Русские дореволюционные военные историки, и в особенности советские исследователи истории военного искусства (Е. В. Тарле, Г. П. Шторм, А. Л. Шапиро), углубленно и детально осветили главным образом военную сторону экспедиции русского военно-морского флота в Адриатику в 1798—1800 и 1805—1807 гг., раскрыли многие важные стороны деятельности славных русских флотоводцев Ф. Ф. Ушакова и Д. Н. Сенявина.

² А. Сорель. Европа и французская революция, т. V, СПб., 1906, стр. 278.

целей России в период второй коалиции было, во-первых, удаление Франции из Восточного Средиземноморья, во-вторых,— завоевание господствующих позиций на Мальте и на Ионических островах.

Ионические острова привлекали к себе внимание великих держав прежде всего в силу своего исключительно выгодного стратегического положения, в качестве главной, ключевой позиции и крупнейшей оперативной базы в восточном бассейне Средиземноморья; лишь сконцентрировав относительно крупные силы на Ионических островах, русское правительство могло бороться против Наполеона в Южной Италии. Этим, однако, стратегическое значение островов не ограничивалось. В годы, когда помыслы руководителей европейской политики были прикованы к Востоку, Ионические острова получили особую ценность как наиболее близкая и удобная позиция в случае войны с Турцией. Опыт военно-морских операций Сенявина в 1805—1807 гг. в полной мере показал это. Существенно было значение Ионических островов и как опорного пункта в борьбе за политическое и идеологическое влияние на Грецию. Наконец, играли свою роль (в данном случае подчиненную) и непосредственные торговые интересы держав: страна, захватившая Ионические острова, получала более широкие возможности для развития своей левантйской торговли.

До того, как наполеоновские войны выдвинули Ионические острова на авансцену международной политики, они занимали сравнительно скромное место в экономической и политической жизни Европы. Население их в конце XVIII в. составляло около 200—250 тыс. человек³. Основой экономики островов являлось сельское хозяйство, преимущественно земледелие, садоводство, виноградарство; главной сельскохозяйственной культурой — оливковое дерево и виноград (о-ва Занте и Кефалония). Промышленность развивалась слабо. Уровень общего экономического развития был невысок. К концу XVIII в. система крепостнических отношений на Ионических островах была расшатана. Крепостничество в прямой форме уступало место мелкой крестьянской собственности и аренде, ставшей преобладающей формой земельных отношений. Земля в основном находилась в руках родового дворянства — нобилитета. Экономически слабое ионическое дворянство было не в состоянии стимулировать развитие сельскохозяйственного производства. В последней четверти XVIII в. росла задолженность земельных собственников⁴. В итоге усиливалась эксплуатация крестьян-арендаторов. Политический строй Ионических островов сложился в условиях многовекового венецианского господства. Лишь дворянство имело доступ к управлению. Не говоря уже о крестьянстве и городских низах, политически бесправна была и буржуазия — купцы, сравнительно немногочисленные промышленники, представители буржуазной интеллигенции. Городское население делилось на первоклассных или первостатейных (в эту группу входило только родовое дворянство) и второклассных или второстатейных, т. е. купцов, промышленников, ремесленников и представителей буржуазной интеллигенции.

В конце XVIII в. Греция оказалась в какой-то степени втянутой в процесс развития капиталистических отношений в Европе. Греческая торговля в восточном бассейне Средиземного моря в 90-х годах начала вытеснять ранее преобладавшую там французскую торговлю⁵.

³ D. et N. Stephanopoli. Voyage en Grèce pendant les années V et VI (1797 et 1798 v. st.), Paris, An. VIII, vol. II, p. 190—194; X. Scrofani Voyage en Grèce fait en 1794 et 1795, Paris et Strasburg, An IX (1801), vol. III, p. 22, 25, 29.

⁴ G. St. Sauveur. Voyage dans les îles et possession ci-devant vénitienes, Paris, An VIII, vol. II, p. 160, 166—167.

⁵ F. Beaujour. Tableau du commerce de la Grèce, Paris, 1800, vol. I, II; M. C. D. Raffeneil. Histoire des événements de la Grèce, Paris, 1822, vol. I, p. 3—4; G. Isambert. L'indépendance grecque et l'Europe, Paris, 1900, p. 28.

Французские войска первоначально были встречены радикальными буржуазными кругами Ионических островов как освободители и от Венеции и от дворянства. Были проведены некоторые административные реформы. Однако во главе каждого департамента стоял французский генеральный комиссар и фактически власть принадлежала французскому командованию⁶. Французское правление в скором времени вызвало народное недовольство. Крупная французская буржуазия была враждебна демократическим стремлениям передовых кругов населения островов. В дальнейшем управление было централизовано, права жителей еще более урезаны.

В результате на островах началось брожение. Волновались крестьяне, требовавшие уменьшения налогов, недовольно было и городское население. В ответ французское командование установило систему настоящего террора. Обыски, аресты, контрибуции стали повседневным явлением; целые предместья подвергались разрушению. Во время блокады Корфу Ф. Ф. Ушаковым установившие террористический режим французские власти разоружали островитян. Жители одного из предместий г. Корфу оказали им сопротивление и были разгромлены французскими войсками; разрушено было предместье св. Роха. Все это не только не подавило антифранцузского народного движения, но еще больше разожгло его. Крестьяне арестовывали французских комиссаров, убивали французских моряков⁷.

Мечты буржуазных кругов о национальной независимости, политической власти и создании благоприятных условий для экономического развития страны были обмануты.

Русская военно-морская эскадра под командованием вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова во взаимодействии с союзным турецким флотом (фактически роль его в кампании 1798—1799 гг. была очень невелика) в октябре 1798—феврале 1799 г. освободила Ионические острова от французской оккупации. Капитуляция французского командования 20 февраля 1799 г. и занятие русско-турецкими силами острова и крепости Корфу завершили эту выдающуюся в истории военно-морского искусства операцию.

Преданность греков России была доказана ими на деле. В кампанию 1798—1799 гг. они с оружием в руках действовали на стороне Ушакова⁸. В последний период французского господства на Ионических островах жители о. Кефалонии взяли в плен и разоружили французский гарнизон; жители о. Св. Мавры и о. Занте сбросили французское знамя, водрузив на его место русский флаг и всячески препятствовали французскому военному командованию.

После освобождения Ионических островов от французской оккупации для России и Турции открылись новые, весьма заманчивые перспективы. Было ясно, что преобладание в Адриатике достанется той державе, которая сумеет подчинить себе острова. Преимущество было на стороне России. Не говоря о ее бесспорном военном превосходстве, играло свою роль и дружественное отношение к ней греческого народа. Жители островов с полным основанием полагали, что русский протекторат, обставленный известными конституционными гарантиями, будет для них неизмеримо легче, чем неприкрытое, тираническое турецкое господство.

Между Россией и Турцией развернулась борьба за определение международного статуса Ионических островов, дипломатическими сред-

⁶ Из пяти членов каждой департаментской директории четыре назначались французскими властями, как и члены муниципалитетов, судьи и т. д.

⁷ E. Rodocanachi. Bonaparte et les Iles Ioniennes (1797—1816), Paris, 1899, pp. 53—55, 120—124, 134—135, 140—142, 153—155.

⁸ См., напр., аттестат, выданный Ушаковым жителю о. Занте. Сб. док. «Адмирал Ушаков», под ред. Р. М. Мордвинова, т. II, М., 1952, стр. 131.

ствами решавшая, кому будет принадлежать господство на островах. Русско-турецкие переговоры начались еще осенью 1798 г., а завершились лишь в марте 1800 г. Русское правительство в этот момент было далеко от мысли присоединить Ионические острова к Российской империи. Это объяснялось прежде всего страхом перед теми международными осложнениями, которые могли бы возникнуть в этом случае. Иной была позиция Турции, требовавшей преобразования Ионических островов в княжество с тем же статутом, который был установлен для Молдавии и Валахии. Это означало фактическое включение островов в состав Османской империи (при предоставлении им известной автономии). Понятно, что со стороны России турецкий проект одобрения не получил и в конце концов был оставлен турецкими кругами. Однако это не означало еще окончательного отказа правительства Турции от своей цели. В июне — августе 1799 г. Россия и Турция обменялись проектами конвенции об Ионических островах⁹. Основной идеей турецкого проекта было по-прежнему (но уже в несколько видоизмененной форме) закабаление островов. Турецкое правительство упорно настаивало на превращении островов в вассала султана, аргументируя это тем, что предоставление «полной и совершенной свободы» могло бы лишь привести к революционизированию населения и к усилению позиции Франции¹⁰. Однако эта игра на «революционной опасности» была лишь прикрытием агрессивных замыслов турецкого правительства. Турция требовала ограничения прав Ионических островов на чеканку монеты и на сношения с иностранными державами; отказывала в согласии на учреждение консульств в Константинополе и в других городах Турецкой империи; добивалась разрешения на вербовку солдат и матросов из населения островов; претендовала на некоторые ионические крепости. Весьма характерно, что Порта обошла молчанием соответствующий пункт русского проекта, говоривший о взаимных обязательствах России и Турции — выводе с Ионических островов после конца войны с Францией русских и турецких войск.

Сняв в связи с протестом России ряд требований, турецкое правительство добивалось, однако, для своего военного флота права на неограниченное плавание в водах Ионических островов. Русский посланник в Константинополе В. С. Томара твердо настаивал на запрещении турецким военным судам проходить далее восточного побережья о. Цериго¹¹.

21 марта (2 апреля) 1800 г. русско-турецкая конвенция об Ионических островах была, наконец, заключена¹². Первые четыре наиболее важные статьи ее гласили, что Ионические острова отныне образуют республику Семи соединенных островов, сюзереном которой будет султан, гарантом и протектором — Россия. Очень существенна была пятая статья конвенции, в силу которой Россия и Турция в продолжение войны с Францией получали право вводить свои войска на острова. После конца войны русские и турецкие войска должны были быть выведены с островов.

Конвенция 21 марта была в общем благоприятна для республики Семи соединенных островов и защищала интересы ионического насе-

⁹ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799, д. 893, лл. 7—14об., 19—38. См. также реляцию русского посланника в Константинополе В. С. Томары Павлу I 1(12) сентября 1799 г. (там же, д. 985, лл. 9—9об.) и ноту Томары Турции (там же, лл. 50—60).

¹⁰ Турецкая нота В. С. Томаре в сентябре 1799 г. (АВПР, Сношения России с Турцией, 1799, д. 895, лл. 17—21).

¹¹ Реляция В. С. Томары Павлу I 1(13) февраля 1800 г. (там же, 1800, д. 908, л. 1—1об.; нота В. С. Томары Турции I(13) марта 1800 г. (там же, 1800, д. 910, лл. 2—3).

¹² ПСЗ, т. XXVI, № 19336.

ления от посягательств Турции. Ионические острова были преобразованы не в подчиненное господству Турции княжество во главе с назначаемым последней князем, а в республику, лишь формально подчиненную суверенитету султана, фактически же почти независимую. Подданство Ионических островов Турции по существу было фиктивным. Систематически направляя в 1804—1806 гг. подкрепления на Ионические острова, русское правительство ограничивалось тем, что уведомляло об этом Турцию. В дальнейшем Турция фактически не участвовала и в организации внутреннего управления на Ионических островах: конституция 1803 г. была введена в действие без предварительного с ней согласования, хотя русское правительство и предложило Порте начать переговоры о совместной ее гарантии. Самостоятельность новой республики была ограниченной. И все же это был шаг вперед по сравнению с тем национальным порабощением, которому Ионические острова подвергались во времена венецианского господства и при военнотеррористическом режиме, установленном во время французской оккупации. Огромное значение имело то, что впервые за много веков вновь возникло греческое национальное государство, имеющее свое собственное правительство, пользующееся правом вести внешние сношения, чеканящее собственную монету. Самый факт существования греческого государства действовал ободряюще на передовые круги греческого общества, стремившиеся к национальной независимости.

Однако некоторые стороны конвенции 21 марта сыграли безусловно отрицательную роль и с точки зрения передовых греческих кругов, и с точки зрения интересов русской политики. Восьмая, девятая и десятая статьи конвенции установили присоединение к Турции так называемой экс-венецианской Албании, т. е. той полосы албано-греческого побережья, которая до 1797 г. принадлежала Венеции, с важнейшими ее городами Паргой, Превезой, Вонницей и Бутринто. Ряд статей несколько смягчили судьбу, ожидавшую христианское население экс-венецианской Албании, но все же конвенция 21 марта была для него тяжелым ударом. Наилучшим для себя вариантом греки и албанцы — христиане — считали переход под единоличный протекторат России. «Все островские обитатели ничего более не желают на свете, как ежели бы можно было им быть под одним покровительством и протекцией России», — писал Ушаков Томаре¹³. Возможность установления единоличного протектората Турции (т. е. фактически турецкого господства) внушала населению отчаяние и ярость. Ушаков считал, что в подобном случае «особо от черни опасаться должно непременно возмущения... Буде отделены они будут от протекции России, так заметить можно, что даже до бешенства дойти могут, столь боятся они малейшего роду подданства туркам»¹⁴.

Чем объясняется согласие царского правительства удовлетворить притязания Турции в вопросе об экс-венецианской Албании? В первую очередь, разумеется, Россию толкала на это международная обстановка. Союз с Турцией в создавшихся условиях был необходим, и ради укрепления его приходилось идти на жертвы. Основной причиной, однако, была неспособность царского правительства в полной мере понять то значение, которое имела для политики России на Ближнем Востоке и на Балканах поддержка и сочувственное отношение местного населения. Царизм умело играл на привязанности и доверии балканских народов к России в тех случаях, когда это ему казалось нужным. Если же национальные интересы этих народов в той или иной форме вступали в противоречие с его собственными расчетами, он, не задумываясь, приносил первые в жертву.

¹³ «Адмирал Ушаков», т. III, М., 1956, стр. 46—47.

¹⁴ Там же, т. II, стр. 533.

Конвенция 21 марта 1800 г. была компромиссом между Россией и Турцией. Чтобы сохранить союз с Турцией, России пришлось пойти на большие уступки. Все же основным результатом конвенции был крах попыток Турции завладеть Ионическими островами, утверждение русского влияния в Адриатике и создание первого греческого национального государства.

Однако для закрепления русского влияния в Адриатике одних мероприятий военно-дипломатического характера было недостаточно: слишком сложной была политическая обстановка на Ионических островах. Французская революция способствовала проникновению освободительных идей в Грецию и обострению классовой борьбы. Крестьянство боролось за свое освобождение от феодальной эксплуатации. Буржуазная прослойка добивалась участия в политической власти. Нобилитет стремился восстановить свое господство, поколебленное установленными французами административными порядками.

Чтобы предотвратить гражданскую войну на островах, которая помешала бы русской командованию использовать их как свою оперативную базу, Ушаков должен был пойти хотя бы на частичное удовлетворение притязаний ионической буржуазии на политическую власть. Вместе с тем, не смягчая ничего в системе феодальной эксплуатации, он учитывал и необходимость считаться в какой-то степени с фактом нарастания народного недовольства и старался по возможности не раздражать простой народ Ионических островов.

Приступив к организации местного самоуправления, Ушаков предоставил отдельным островам право выбора органов местного управления, в первую очередь судебных органов. К участию в выборах допускались в конце 1798 — начале 1799 г. и жители «второго класса». Однако полностью обеспечить соблюдение интересов буржуазии эта мера не могла. В судебных органах первый и второй классы получали равное количество мест. Выборы к тому же были многостепенными¹⁵. Это формальное равенство не удовлетворило буржуазные круги островов, стремившиеся получить не равное с нобилитетом, а большее количество мест в местных органах.

Организация центрального управления была проведена Ушаковым на тех же началах компромисса «первоклассных» и «второклассных». Жители первой и второй статьи отдельных островов избрали своих депутатов¹⁶, которые по прибытии на о. Корфу учредили в мае 1799 г. Сенат республики¹⁷.

Сенат в мае же 1799 г. представил Ушакову «План об учреждении правления на освобожденных от французов прежде бывших венецианских островах и об установлении во оных порядка»¹⁸, т. е. своего рода конституцию республики, которую именовали также «Планом временного правления Семи соединенных островов»¹⁹ (сам Ушаков и его помощники подчеркивали именно временный характер «Плана»). Две основные черты отличали «План»: с одной стороны, либеральный, смелый для русской политики того времени подход к проблеме расширения политических прав буржуазии, с другой, — наличие ограничительных, охранительных тенденций. «План» предусматривал создание на каждом острове Главного совета, состоящего из представителей дворянских фамилий, и Большого совета или «Генерального собрания», объединяющего дворянский Главный совет и верхушку «второго класса», что значительно расширяло возможности участия буржуазной верхушки в политиче-

¹⁵ «Адмирал Ушаков», т. II, стр. 133—134, 288, 302—303, 507—508, 510—511.

¹⁶ Там же, стр. 491—493, 513.

¹⁷ Р. Скаловский. Жизнь адмирала Ф. Ф. Ушакова, ч. I, СПб., 1856, стр. 441—444.

¹⁸ «Адмирал Ушаков» т. II, стр. 520—525.

¹⁹ АВПР, Сношения России с Ионическими островами, 1799—1800, д. 13, л. 2.

ской жизни островов. Второй класс вместе с дворянством выбирал судебные органы (конклавы) и был в них представлен. Однако за дворянским Главным советом осталось исключительное право избирать председателей конклавов. К тому же высокий имущественный ценз и дискриминация не только в первом, но и во втором поколении лиц, занимающихся ручным трудом, закрывали доступ в Большой совет мелкой буржуазии и ремесленникам. Это несколько смягчалось пятой статьей «Плана», гласившей, что разночинец, «который бы по какому ни есть случаю возымел благородное воспитание и одарен был природными дарованиями, то во уважение добродетели таковой может быть включен в число избираемых дворян по смерти только»²⁰.

Главным центральным правительственным органом по новому «Плану» являлся Сенат в г. Корфу, что делало Корфу столицей нового государства. К ведению Сената относились политические, военные и экономические вопросы. При организации центрального управления проводилась та же тенденция расширения прав буржуазной верхушки и вместе с тем сохранения за нобилитетом его позиции первенствующего сословия. Члены Сената выбирались дворянскими главными советами отдельных островов, численно в Сенате также должны были преобладать нобили. Но и «второй класс» посылал в Сенат своих представителей.

Введенное Ушаковым «Временное правление» 1799 г. при всех его ограничительных тенденциях имело для своего времени прогрессивный характер и знаменовало важный шаг в развитии буржуазных отношений на Ионических островах. Решающее значение имело то, что «второй класс» получил возможность участвовать в центральном правительственном органе. Нобилитет, оставшись первенствующим и привилегированным, перестал быть единственным правящим сословием.

Однако классовые противоречия на Ионических островах были слишком остры, и примирить их было невозможно. В 1799—1800 гг. имел место ряд народных выступлений. Весной 1799 г. серьезные волнения произошли на о. Занте, что явилось сигналом для выступления местных крестьян против нобилей. Непокойно было и на о. Цериго. Ушаков действовал осторожно и старался смягчить положение, не прибегая к слишком жестким мерам. Так, арестованных зачинщиков волнения на о. Занте — «священников и разных людей», виновных в «неослушностях и убийствах» — он приказал освободить²¹. Однако борьба «первоклассных» и «второклассных» на о. Занте продолжала обостряться и в первой половине 1800 г. получила очень широкий размах.

Вокруг «Плана временного правления» завязалась ожесточенная борьба различных общественных групп населения Ионических островов, пытавшихся опереться на те или иные международные силы. Россия и Турция были державами-покровительницами Соединенных островов, им принадлежало право утверждения (или отмены) «Плана». Нобилитет и буржуазия, естественно, стремились всеми способами привлечь их на свою сторону.

Нобилитет, видевший в Ушакове основное препятствие осуществлению своих планов, постарался скомпрометировать его в глазах царского правительства. Искушенные в искусстве политической интриги нобили выдвинули против Ушакова обвинение в покровительстве ионическим «якобинцам». Граф Николо Градениго Сикуро (Сикоро), главарь партии нобилей на о. Занте, находясь в Константинополе, подал в ноябре 1801 г. Томаре пространную записку с обзором действий Ушакова и Тизенгаузена (уполномоченного Ушакова на о. Занте) в 1799—1800 гг. Пользовавшаяся доверием Ушакова группа ионийцев сторонников «Временного плана», писал он, «французскими правилами наполнена была»;

²⁰ «Адмирал Ушаков», т. II, стр. 521.

²¹ Ордер Ушакова капитан-лейтенанту Н. А. Тизенгаузену. «Адмирал Ушаков», т. II, стр. 540.

подавшийся их влиянию Ушаков «нашелся в необходимости защищать те партии, об истреблении которых надлежало употребить средства»²². Сын автора записки, один из трех президентов конклава на о. Занте, прямо обвинял Тизенгаузена в укрывательстве «якобинцев», которые добивались «перемен» и возбуждали в народе ненависть к дворянству²³. Два других президента зантийского конклава поддерживали своего коллегу, и 28 июня 1800 г. все трое подали Томаре жалобу на Ушакова²⁴.

Происки нобилитета встретили самую энергичную поддержку со стороны Турции, обрадовавшейся удобному предлогу выжить с островов грозного противника турецких захватнических планов. Нобилитет развернул прямое наступление на «План» 1799 г., используя для этого свои связи с Турцией. В Петербург и в Константинополь были направлены депутации Сената для переговоров об утверждении «Плана» 1799 г. Нобилитет сумел получить в константинопольской делегации преобладающее влияние и завязал с турецким правительством тайные переговоры об отмене ушаковского «Временного правления» и о восстановлении прежних порядков, обеспечивающих безраздельное господство нобилей. Турция, как и следовало ожидать, встретила предложения нобилитета весьма благосклонно. Переговоры нобилитета и турецкого правительства завершились тем, что Турция утвердила представленный нобилиями проект нового государственного устройства Ионических островов²⁵. Новая конституция, получившая среди современников название константинопольской или византийской конституции, зачеркнула все либеральные завоевания ушаковского «Плана временного правления» и восстановила неприкрытую диктатуру нобилитета. Управление сосредоточивалось в руках Сената, избиравшегося одними нобилиями²⁶.

Вокруг константинопольской конституции развернулась ожесточенная борьба. «Второстатейные» жители Ионических островов прекрасно понимали, что она наносит тяжелый удар и классовым и национальным их интересам. Как только распространились слухи о содержании переговоров депутации с турецким правительством, на островах возникла острая тревога. На Корфу серьезные волнения охватили свыше 5 тыс. жителей²⁷.

Судьба ушаковского «Плана временного правления» во многом зависела от того, какую позицию займет русский посланник в Константинополе В. С. Томара²⁸. Однако завзятый реакционер Томара был убежден, что опорой России на островах может быть только нобилитет и считал борьбу Ушакова против нобилей серьезной ошибкой. Нобилитет, писал Томара Ф. В. Ростопчину, «есть общая (группа — А. С.) лучших состоянием людей (хотя, может быть, не лучших самым делом, но с них нигде не спрашивают). Желание их своими волами свою ниву пахать есть везде одно, и признают врагами общества, когда более желают. Мы же хотели бы там (на Ионических островах. — А. С.) аристократическую завести статью и вассальство. Следственно, по здравой логике рассуждая, найдем, что наружно нам противная партия (т. е. нобилитет. — А. С.) есть прямая партия наша»²⁹.

²² АВПР, ф. Канцелярия, 1802, д. 2223, лл. 95—104, особ. л. 95об.

²³ Записка Сикуро младшего — 1800, б/д (АВПР, Сношения России с Ионическими островами, 1800—1801, д. 18, лл. 38—48об.).

²⁴ АВПР, Сношения России с Турцией, 1800, д. 926, л. 1.

²⁵ Нота Турции В. С. Томаре 21 марта (2 апреля) 1800 г. (АВПР, Сношения России с Турцией, 1800, д. 911, л. 38).

²⁶ K. Mendelssohn-Bartholdy. Graf Johann Kapodistrias, Berlin, 1864, S. 9—10; G. Pauthier. Les îles Ioniennes pendant l'occupation française et le protectorat anglais, Paris, 1863, pp. 11—12.

²⁷ Письмо Ушакова В. С. Томаре 2 мая 1800 г. «Адмирал Ушаков», т. III, стр. 318.

²⁸ «Адмирал Ушаков», т. III, стр. 319—320.

²⁹ Частное письмо В. С. Томары Ростопчину (март 1800 г.). (АВПР, Сношения России с Турцией, 1800, д. 924, лл. 15—17об.).

Стоявшие на столь противоположных позициях в важнейших политических вопросах Томара и Ушаков стали врагами. Их переписка говорит о частых и острых столкновениях, которые в конце концов вылились, видимо, в открытую ссору. Жалобы и доносы нобилей на Ушакова Томара пересылал в Петербург. Возможно, что в последующей опале Ушакова это сыграло известную роль.

21 марта (2 апреля) 1800 г. Томара подписал русско-турецкую конвенцию об Ионических островах, уничтожавшую ушаковский план 1799 г.

Ушаков и его ближайшие сподвижники сознательно поставили себе целью создать более прочную и широкую общественную основу для русского влияния на островах. Взрыв классовых противоречий в этот момент был бы тяжелым ударом по планам русского правительства. Именно эти соображения в первую очередь побудили Ушакова пойти на расширение политических прав буржуазной верхушки островов и положить конец неограниченному господству нобилитета. Ушаков вполне отдавал себе отчет в невозможности сохранения феодальных привилегий нобилитета в полном их объеме. «Дворяне», т. е. нобили, говорил он, «надуты венецианскою гордостью, нетерпимою всеми народами, от которой и падение сей республики (Венецианской республики.— А. С.) последовало»³⁰. Он был твердо убежден, что «Временный план» отвечал интересам и желаниям большинства населения Ионических островов. «Ежели что в пользу островов писал я к Вам, это я делал из единственного доброжелательства к островам... Мне казалось, что все вообще, кроме некоторых³¹, желали двух или трех пунктов из прежнего плана (т. е. «Плана Временного правления».— А. С.) поэтому по просьбам многих к Вам и писал...»,— отвечал Ушаков Томаре, упрекавшему его за то смятение, которое, по мнению Томары, вызвал на островах «Временный план»³². В другом письме Томаре Ушаков подчеркивал, что действует для блага всего населения островов³³.

Понятно поэтому, что Ушаков был резко враждебен константинопольской конституции, прекрасно понимал ее реакционный смысл и пытался предотвратить ее провозглашение. В начале февраля 1800 г. он обратился с «просительными письмами» к Томаре, каймакам-паше и депутатам нобилитета в Константинополе «в отвращение такового дерзкого их предприятия». Снова и снова Ушаков в письмах к Томаре возвращался к тому, что принятие константинопольской конституции приведет к вспыху народного негодования, предотвратить которую нельзя и которая потрясет весь общественный порядок Ионических островов, «тогда народ всех островов никак удержать будет невозможно от великого негодования и мщения над ними (депутатами,— А. С.)»³⁴. Ушаков считал, что если будет введена константинопольская конституция, то неизбежна гражданская война на островах, которую не остановят даже военные силы русского императора³⁵.

Настойчивые попытки Ушакова предотвратить принятие константинопольской конституции были продиктованы прежде всего боязнью за престиж русских властей на Ионических островах³⁶. Его стремление добиться политического компромисса на островах путем нейтрализации нобилитета и расширения прав буржуазии имели умеренный и ограниченный характер. Социальный строй островов оставался неизменным. Сохранился и сословный строй, нобилитет во многом удерживал свои

³⁰ «Адмирал Ушаков», т. III, стр. 319—320.

³¹ Здесь и далее подчеркнуто нами.— А. С.

³² Письмо Ушакова Томаре 22 июня (4 июля) 1800 г. (АВПР, Сношения России с Турцией, 1800, д. 926, лл. 1—3об.).

³³ Письмо Ушакова Томаре 20 февраля 1800 г. «Адмирал Ушаков», т. III, стр. 282.

³⁴ Письмо Ушакова Томаре 9 февраля 1800 г. (там же, стр. 258.).

³⁵ Там же, стр. 318, 319—320.

³⁶ Там же, стр. 281.

привилегии. Поэтому реформы Ушакова не могли полностью удовлетворить ни буржуазию, ни тем более крестьянство островов. Народные волнения продолжали нарастать, и их частично смягчала лишь гуманная и умелая тактика Ушакова, не прибегавшего к репрессиям и обуздывавшего реакционные поползновения нобилитета.

Несмотря на свою половинчатость и ограниченность, реформы Ушакова в 1799—1800 гг. объективно сыграли большую прогрессивную роль в истории Ионических островов. Конституция Ушакова для своего времени стояла в числе либеральных и смелых. Резким контрастом ей являлась реакционная политика Турции, покровительствовавшей нобилиям и выдвинувшей константинопольскую конституцию. Даже французы-современники, а вслед за ними и историки, воспевающие освободительную и революционизирующую миссию Франции на Ионических островах, призывают «либерализм» Ушакова и его «Плана»³⁷.

Уход отозванной Павлом I эскадры Ушакова с Ионических островов в 1800 г. положил конец первому периоду деятельности русского правительства на Ионических островах. Борющиеся силы ионического общества на время оказались предоставленными самим себе.

За аннулированием прогрессивной конституции 1799 г. и провозглашением константинопольской конституции последовала новая вспышка антифеодальных народных волнений на Ионических островах³⁸. Отличительной чертой этих волнений было активное участие в них ионического крестьянства. Крестьянское движение на островах в 1801—1802 гг. носило массовый характер — им было охвачено несколько тысяч крестьян. В первой половине 1802 г. восставшие крестьяне осадили г. Корфу и держали его в блокаде; они отказались платить налоги и подати. Массовым крестьянским движением были охвачены о-ва Занте и Кефалония. Широкое участие приняли в волнениях 1801—1802 гг. и городские низы — «приказные и ремесленники низших классов, также мужики», — писал В. С. Томара В. П. Кочубею³⁹.

Городская буржуазия, действовавшая в волнениях 1801—1802 гг. самым энергичным образом, стремилась использовать народное движение лишь для того, чтобы обеспечить себе участие в управлении островами; широких демократических целей ее программа не выставляла.

Избранная осенью 1801 г. ассамблея — «Достопочтенная Депутация всех городов, местечек и деревень», — обычно именуемая в литературе Оморандой (Достопочтенной), захватила власть и опубликовала в октябре 1801 г. новую, демократическую конституцию.

Острая вспышка классовой борьбы на Ионических островах, поводом которой явилось опубликование новой конституции, была событием международного значения, непосредственно затрагивавшим Россию, Турцию, Францию и Англию. Бонапарту события на островах были

³⁷ E. Rodocanachi. Op. cit., p. 179—180, 237—239; G. de Vaudoncourt. *Memoirs on the Ionian Islands*, London, 1816, p. 245 (русское командование «благоприятствовало народной партии»). См. также работу греческого историка А. Парадору-Вретос. *Mémoires biographiques et historiques sur le président de la Grèce, le comte Jean Capodistrias*, t. I, Paris, 1837, p. 6. («Русский флот под командованием адмирала Ушакова протезировал демократическую партию, так как она составляла большинство населения»).

³⁸ Источниками для характеристики этой борьбы являются донесения русского посланника в Константинополе Томары за 1800—1801 гг.: донесения русского уполномоченного на Ионических островах гр. Мочениго за 1802 г.; «Записка» нобили-консерватора гр. Кладана с о. Корфу от 4 января 1802 г.; «Записка» нобили гр. Градениго с о. Занте от 13 ноября 1801 г.; «Записка» членов либеральной депутации Оморанды в Петербурге от 1802 г. Указанные материалы хранятся в АВПР, Канцелярия, 1800—1802. Общий краткий и неточный очерк событий у E. Rodocanachi. Op. cit., p. 183—185, и B. de St. Vincent, *Histoire et description des îles Ioniennes*, Paris, 1823, p. 343—346.

³⁹ Донесение 16(28) декабря 1801 г. (АВПР, Канцелярия, 1801, д. 2219, лл. 301—302об.).

весьма на руку. Первый консул прилагал все усилия, чтобы хотя бы частично вернуть утраченные им позиции в Адриатике и получить для Франции те права протектора и гаранта Ионической республики, которые в результате своих военных успехов завоевали Россия и Турция. В сентябре 1801 г. Наполеон предложил России свое «содействие», настаивая на том, что обе державы должны сообща навести на островах порядок⁴⁰.

С другой стороны, серьезные опасения внушала России и Турция. Вассальная зависимость островов от Турции и обязательство платить Порте дань — были ненавистны жителям Ионических островов. В середине 1801 г. снова вспыхнули волнения, направленные против Турции. 6 тыс. жителей Корфу изгнали из города турецкий гарнизон и турецкую эскадру⁴¹. Оноранда и Порта не скрывали взаимной враждебности. Турция отказалась вести переговоры с депутацией Оноранды⁴². Связи Турции с нобилитетом были известны, известно было и то, что Турция в расчете на них строит планы интервенции на острове.

Правительство Александра I, казалось, зашло в тупик. Желания захватить Ионические острова у России не было: европейские державы постарались бы не допустить такого захвата, да и не было в этом непосредственной необходимости, так как и без того влияние России в Адриатике уприлось. Первоначально — до осеннего переворота 1801 г. на островах — Александр I намеревался даже отозвать оставшиеся там незначительные русские сухопутные и военно-морские силы⁴³.

Русское правительство попыталось найти выход, выдвинув проект, который должен был отразить покушения Турции на острова и вместе с тем удовлетворить стремления жителей. С этой целью в начале 1802 г. Россия предложила установить полную независимость островов от Турции⁴⁴. В июне 1802 г. в Константинополе начались переговоры об изменении статута островов⁴⁵. Реальных результатов эти переговоры не дали: Турция цеплялась за полученные ею по конвенции 21 марта 1800 г. преимущества, но самый факт провозглашения Россией права Ионических островов на полную независимость был положительным явлением в истории борьбы за национальное освобождение Греции.

Оставаться равнодушным наблюдателем событий на Ионических островах русский император никак не мог — затронуты были и международные интересы России и позиции царизма, как хранителя «спокойствия Европы». После некоторых колебаний правительство Александра I пришло к выводу, что пора положить конец ионической «крамоле». Было решено, во-первых, перебросить на острова находившиеся в Неаполе русские войска, во-вторых, возложить миссию укрощения «анархии» на представителя России, наделенного особыми, очень широкими полномочиями, далеко выходящими за пределы обычных дипломатических функций.

Восстановление «порядка» было в глазах царизма основой и пер-

⁴⁰ Сб. РИО, т. 70, стр. 260, см. также стр. 384, 388, 406, 410, 461—462.

⁴¹ Реляция В. С. Томары Александру I 1(13) июня 1801 г. (АВПР, Канцелярия, 1801, д. 2218, л. 321).

⁴² Донесение В. С. Томары Кочубею 16(18) декабря 1801 г. (там же, д. 2219, лл. 301—302об.).

⁴³ Архив Государственного Совета, т. III, ч. 2, СПб., 1878, стлб. 1128—1129.

⁴⁴ АВПР, Канцелярия, 1802, д. 2220, лл. 6—11об. См. рескрипты Александра I представителям России в Константинополе, Лондоне и Париже от 30 декабря ст. ст. 1801 г. (там же, 1801, д. 2216, лл. 27—30); 1(13) мая 1802 г. (там же, 1802, д. 2220, лл. 21—22об.), 2(14) января 1802 г. (там же, 1802, д. 6746, л. 11—11об.); 8(20) февраля 1802 г. (Сб. РИО, т. 70, стр. 349—351, 343).

⁴⁵ См. протокол конференции В. С. Томары с Челеби-Мустафой, Исмет беим и рейсом-эффенди 3(15) июня (АВПР, Канцелярия, 1802, д. 2222, лл. 201—214); реляцию В. С. Томары Александру I 1(13) июля (там же, лл. 215—222) и ноту Томары Порте 14(26) октября 1802 г. (там же, д. 2220, лл. 7—8об.).

вичной предпосылкой его политики на Ионических островах. Однако решить сложные задачи, стоявшие перед царизмом в его политике на Ионических островах, одной лишь силой, одними солдатскими штыками и пушками военных кораблей было невозможно.

Подъем революционной активности народных масс, резкое обострение классовой борьбы, рост национально-освободительных движений, распространение передовой общественной идеологии поставили в конце XVIII — начале XIX в. перед внешней политикой русского царизма, как и других европейских держав, ряд качественно новых задач. Русскому царизму волей-неволей приходилось теперь в своих международных расчетах считаться с антифеодальными силами. В ряде случаев царское правительство в своей борьбе против революционной опасности в Европе не могло ограничиться применением одной только грубой силы. Действовать подобным образом означало бы для царизма восстановить против себя широкие и могучие общественные круги тех стран, которые были объектом его политики. Разумеется, царское правительство с открытыми глазами шло на это, как достаточно ясно свидетельствует его политика в годы революционных войн, Священного Союза, в 1830 и 1848 гг. Однако не всегда и не во всем это было возможно. При определенной обстановке для успеха внешней политики царизма было необходимо так или иначе нейтрализовать сопротивление этих кругов, хотя бы частично привлечь на свою сторону буржуазную верхушку страны.

Тенденция постепенного, частичного, относительного приспособления к складывающимся буржуазным отношениям, появляющаяся в период начавшегося разложения феодально-крепостнического строя во внутренней политике царского правительства, отчетливо выступает и во внешней его политике. Это отнюдь не означает, однако, что царизм в какой-либо степени переставал играть роль жандарма Европы. Обе эти задачи — борьба с революционной угрозой в Европе и стремление к известному приспособлению (в собственных целях) к новым историческим условиям — были одновременно поставлены перед царизмом ходом истории. Первая из них имела для внешней политики царского правительства большее значение. Однако и вторая задача в известные моменты начинала играть существенную роль.

Обдуманное и осознанное стремление к созданию более устойчивой и широкой социальной основы своего влияния на Ионических островах заставило правительство Александра I попытаться найти какие-то пути для привлечения на свою сторону верхушки ионической буржуазии. Было ясно, что нобилитет не может играть роль социальной опоры царизма на островах. Открыто связать с ним свою политику значило бы сразу же и безнадежно себя скомпрометировать. Характерной чертой политики Александра I на островах была ее установка на смягчение классовых противоречий, на примирение буржуазии и нобилитета.

Проводником политики России на Ионических островах должен был явиться особый представитель императора — «полномочный» (*plénipotentiaire*), как его обычно именуют в русских официальных документах. По замыслу русского правительства, он должен был держать в своих руках все нити политического управления островами, контролировать деятельность ионических правительственных органов, определять основные направления внутренней политики Ионической республики. При назначении «полномочного» выбор императора пал на состоявшего в русской дипломатической службе гр. Джорджио Мочениго. В числе ближайших друзей Мочениго (они вместе росли и воспитывались) был будущий президент Греции И. Каподистрия, крупнейшая фигура русской дипломатии 1813—1822 гг. Подобно Мочениго, Каподистрия в этот период занимал промежуточную, компромиссную позицию между нобилитетом и радикальной партией. В политических

взглядах и программе Мочениго и Каподистрия было много общего. Мочениго полностью разделял национальные стремления греков и поддерживал первых деятелей греческого национального движения.

Он прибыл на Корфу 5 (17) августа 1802 г. Вскоре к острову подошли русские военно-морские силы. Вслед за тем были предприняты реорганизация системы управления островами и введение новой, уже четвертой, считая с 1799 г., конституции Ионической республики. Проект новой конституции⁴⁶ был разработан русским посланником в Неаполе А. Я. Италиным при участии Мочениго.

Определяя форму будущего государственного строя Ионических островов, авторы проекта стремились к политическому компромиссу. По этому проекту сословный строй и привилегии дворянства сохранялись, дворянство должно было быть наследственным. Однако авторы проекта предполагали достигнуть некоторого смягчения противоречий буржуазии и нобилитета путем облегчения для буржуазии доступа в дворянское сословие, путем слияния буржуазной верхушки и родового дворянства в одно сословие. Авторы проекта были в этом вопросе чрезвычайно осторожны. Возможность получения дворянства, а вместе с этим и политических прав, открывалась ими лишь для верхушки буржуазии Ионических островов и лишь для тех простолюдинов (*les roturiers*), которые обладали состоянием, дающим им возможность жить, не занимаясь ни торговлей, ни ремеслом. Право участвовать в политической жизни получали, таким образом, лишь удалившиеся от дел рантье или обладатели наследственного капитала. Преобладающая же часть буржуазии Ионических островов была, по этому проекту, по-прежнему отстранена от политической власти.

Проект новой конституции островов был в общих чертах одобрен Александром I⁴⁷. Однако руководители русской внешней политики в некоторых вопросах оказались «левее» Мочениго и дополнили его проект собственными, весьма интересными соображениями⁴⁸.

Император и канцлер весьма определенно и самым энергичным образом подчеркивали, что новая конституция прежде всего должна смягчить остроту внутренних противоречий на Ионических островах и обеспечить поддержку буржуазии тому политическому порядку, который установило там русское правительство.

Конституция, говорилось в «Замечаниях» 30 ноября (12 декабря), должна быть построена так, «чтобы как можно меньше вызывать недовольство у народных масс, которые уже отведали свободы»⁴⁹. Особенно важно добиться, чтобы новые политические учреждения поддерживал «средний класс... т. к. именно он может наилучшим способом обеспечить их прочность», писал Александр I Мочениго 17(29) августа 1803 г.⁵⁰. Надлежит всеми силами стараться «привязать к России все классы жителей без исключения и в особенности средний класс, который благодаря новым учреждениям не потеряет ничего из тех прав и преимуществ, которые он приобрел», — наставлял Мочениго канцлер А. Р. Воронцов в инструкции 24 февраля (8 марта) 1803 г.⁵¹.

В этой связи тот пункт проекта новой конституции, который опреде-

⁴⁶ АВГР, Канцелярия, 1802, д. 4990, лл. 52—66.

⁴⁷ Там же, лл. 48—51, 85—89.

⁴⁸ Точка зрения Петербурга изложена в ряде дипломатических документов, из которых важнейшие — инструкции канцлера А. Р. Воронцова Мочениго 30 ноября (12 декабря) 1802 г.; «Замечания на проект конституции республики семи островов» 30 ноября (12 декабря) 1802 г., без подписи, вероятно, принадлежат Чарторыйскому; рескрипты Александра I Мочениго 30 ноября (12 декабря) 1802 г. и 17(29) августа 1803 г. (там же, 1802, д. 4990, лл. 67—84; д. 7834, лл. 119—127об.; 1803, д. 5000, лл. 10—12; 1802, д. 4989, лл. 24—25; 1803, д. 4999, лл. 10—11).

⁴⁹ Там же, 1802, д. 4990, л. 67об.

⁵⁰ Там же, 1803, д. 4999, л. 10.

⁵¹ Там же, д. 5000, лл. 10—12.

лял условия получения дворянства представителями буржуазии, вызвал критику со стороны петербургских кругов. Автор «Замечаний» рекомендовал несколько смягчить предусмотренные этим пунктом проекта Италинского — Мочениго ограничения в политических правах для лиц, занимающихся торговлей и промышленностью⁵². В Петербурге весьма надеялись, что новые правила получения дворянства удовлетворят ионийскую буржуазию и буржуазную интеллигенцию⁵³.

Организация центрального управления строилась в проекте Италинского — Мочениго в соответствии с буржуазным принципом разделения властей. Право законодательства получал Законодательный корпус во главе с президентом. Исполнительная власть сосредоточивалась в руках Сената, возглавлявшегося «князем Сената» — первым лицом в республике. Сенат имел право законодательной инициативы. Наблюдательная власть отдавалась авторами проекта особой коллегии цензоров. Предполагалось, что Законодательный корпус, Сенат и коллегия цензоров будут избираться на дворянских собраниях (синклитах) отдельных островов.

В конце 1803 г. новая конституция, в основе которой лежал проект Италинского — Мочениго, дополненный сделанными в Петербурге поправками, вступила в силу. Были учреждены установленные ею государственные органы⁵⁴.

В большей части буржуазной исторической литературы прочно установилась в общем положительная оценка конституции 1803 г.; отмечается обычно ее либеральный характер. Один из наиболее видных историков Ионических островов Э. Родоканаки считает даже, что в этом отношении Мочениго предвосхитил «буржуазного короля» Луи Филиппа. Особенно подчеркивается та соответствующая «эллинскому духу» статья конституции, в силу которой права дворянства давал не только ценз, но и заслуги в области науки, искусства, членство в какой-либо крупной европейской академии (К. Мендельсон-Бартольди, Дора д'Истрия). По сведениям К. Мендельсон-Бартольди, даже в 1859 г. ионийцы считали конституцию 1803 г. лучшей из тех, которыми пользовались Ионические острова.

Конституции 1803 г. действительно были присущи характерные буржуазные черты. Система избирательных учреждений, принцип разделения властей, право голоса для буржуазной прослойки Ионических островов, ограничение привилегий родовой аристократии, преимущества для лиц, имеющих образование, — все эти статьи были направлены против старой феодальной системы. Однако эта известная прогрессивность конституции 1803 г. была весьма относительной. Сословный строй не был ею отменен. Основой замысла ее авторов была замена старого замкнутого родового дворянства другим привилегированным сословием, объединявшим родовых дворян и часть буржуазии. Это новое дворянство (конституционное дворянство, избираемое дворянство, как оно обычно именуется в документах), несмотря на расширение своего состава, все же оставалось замкнутой сословной группой, противостоявшей не только как общественный класс, но и как сословие, всей массе народа. Характерными для конституции 1803 г. были также высокий ценз и дискриминация лиц, непосредственно занятых ремеслом или торговлей.

Русское правительство надеялось, что конституция 1803 г. будет пользоваться поддержкой буржуазных кругов. «Я особенно доволен, —

⁵² АВПР, Канцелярия, 1802, д. 4990, л. 68—68об.; д. 7834, лл. 120об.—122об.

⁵³ Там же, д. 4990, лл. 85—89.

⁵⁴ О конституции 1803 г. см. E. Rodocanachi. *Op. cit.*, p. 186—188; G. Pauthier. *Op. cit.*, p. 12—15; K. Mendelssohn-Bartholdy. *Op. cit.*, S. 9, 12—13; Dora d'Istria. *Les îles Ioniennes sous la domination de Venise et sous le protectorat britannique. Revue des deux mondes*, 1858, Vol. XVI, p. 399—400; B. de St. Vincent. *Op. cit.*, p. 347; G. de Vaudoncourt. *Op. cit.*, p. 67—68.

писал Александр I, — что средний класс высказался в пользу новых учреждений»⁵⁵. Радость императора, однако, была преждевременной. Острота социальных противоречий ионического общества была лишь частично смягчена умеренными реформами 1802—1804 гг. Крестьянские массы по-прежнему глухо волновались, и сам Мочениго вынужден был признать, что «французские принципы особенно соблазнили крестьян, которые слишком склонны к мятежам, стремясь всегда грабить собственников и предаваться разбоям»⁵⁶. И буржуазия Ионических островов, и нобилитет далеко не были удовлетворены конституцией 1803 г. Нобили не скрывали своей враждебности к политике Мочениго. В Сенате и в Законодательном корпусе им удалось получить много мест, что давало возможность почти открыто противиться его мероприятиям.

Оппозиция нобилитета по-прежнему опиралась на поддержку со стороны Турции. Контр-адмирал Шермет-бей, считавшийся признанным покровителем нобилитета, который пресмыкался перед ним, заявил в начале 1803 г., что Турция не допустит введения конституции, враждебной интересам нобилитета⁵⁷.

В политике русского правительства на Ионических островах в 1799—1807 гг. явственно намечаются два периода. В 1799—1800 гг. классовая борьба на островах не достигла еще той остроты, которая отмечалась в 1801—1802 гг. В действиях Ф. Ф. Ушакова не было в силу этого тех реакционных элементов, которые появились в дальнейшем в политике царского правительства.

Резкая демократизация движения на Ионических островах в 1801—1802 гг., нарастание широкого крестьянского движения заставили царское правительство перейти к мерам подавления и ввести на острова свои войска. Однако «жандармские» действия сочетались в политике правительства Александра I с целой системой мероприятий, рассчитанных на расширение социальной основы своего влияния на островах, с рядом тонких и гибких маневров, с помощью которых оно надеялось смягчить классовые противоречия и привлечь на свою сторону буржуазную верхушку населения.

Вследствие своей половинчатости и ограниченности своих охранительных тенденций социальная политика правительства Александра I на островах не дала тех результатов, на которые оно надеялось.

Тем не менее, в тех новых учреждениях, которые были созданы на Ионических островах в 1803—1807 гг. под влиянием русского правительства, несомненно были новые, буржуазные черты, для того времени имевшие прогрессивный характер.

Укрепив свое влияние на Ионических островах, правительство Александра I сосредоточило там свои войска и использовало острова в качестве военно-морской базы для борьбы против Франции, а затем и против Турции⁵⁸.

Русский протекторат над Ионическими островами сыграл большую роль в развитии греческого национально-освободительного движения.

Позиция греческого населения в начальный период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. явилась ярким свидетельством большой популярности России в Греции. Объявление Турцией войны России в конце 1806 г. послужило сигналом также и для разрыва между Ионической республикой и Портой.

⁵⁵ Рескрипт Александра I Мочениго 17(29) августа 1803 г. (АВПР, Канцелярия, 1803, д. 4999, лл. 10об.—11).

⁵⁶ Письмо Мочениго Италинскому 11(23) марта 1804 г. (там же, 1804, д. 5010, лл. 131—133).

⁵⁷ Реяция Мочениго Александру I 12(24) апреля 1803 г. (АВПР, Канцелярия, 1803, д. 5000, лл. 110—113об.).

⁵⁸ Экспедиция в Неаполитанское королевство в 1805 г.; экспедиция Д. Н. Сенявина в 1805—1807 гг. В 1804 г. был создан особый комитет по обороне островов.

Война против Турции и Франции, писал Мочениго, обычно весьма чуткий к общественным настроениям греков, приобретает в глазах жителей национальный характер⁵⁹. Ионические острова постепенно становились центром общегреческого национального движения. Клефты — одни из первых борцов за независимость Греции — избрали острова своим опорным пунктом, на острова массами стекались беглецы из Албании и Греции, спасавшиеся от преследований турецких властей и Али-паши Тепелени, правителя Южной Албании. Среди них были знаменитые капитаны (предводители греческих вооруженных отрядов) Макрис, Боцарис, Кристаки Калогерос, Колокотронис, Кацандонис и др. Большинство из них играло видную роль во время греческого восстания 1821 г. К 1806 г. число беглецов греков и албанцев (сулиотов) на островах Св. Мавры и Итаке достигло 3 тыс. человек⁶⁰. Капитаны дали присягу не оставлять оружия до тех пор, пока не будет завоевана независимость Греции под покровительством России⁶¹.

Бежавшие на Ионические острова капитаны поддерживали постоянные сношения с арматолами и клефтами, оставшимися в горах на материке, и побуждали их к восстанию. Находившийся в это время на Ионических островах Колокотронис строил совместно с вождем одной из албанских общин Али Фармаки планы овладения Мореей⁶². Имевшие в это время место попытки восстания против Турции (во главе одного из них стоял Э. Влахакас) были связаны с центром национального движения на Ионических островах.

Греки стремились по возможности оказать содействие России в ее военных действиях против Франции и Турции. В феврале 1807 г. пять капитанов, бежавших на Ионические острова от преследования Али-паши, обратились к Мочениго от имени сотни своих сотоварищей, предлагая безвозмездно отдать на русскую службу под командованием Д. Н. Сенявина на полгода свои суда и их экипаж. Сенат Ионической республики поддержал просьбу капитанов⁶³.

Чтобы использовать боевой пыл греческих капитанов русское командование создало план десанта греческих беженцев, находившихся на островах Св. Мавры, Паксо и Итаке, на материк для действий против Турции. Подготовка этого десанта была возложена на И. Каподистрия и на митрополита Арты (бывшего секретаря и доверенного Али-паши, втайне во время своей службы у Али помогавшего грекам и русским, разоблаченного и бежавшего на Ионические острова).

По Тильзитскому миру 1807 г. Ионические острова перешли к Франции. Это было жестоким ударом для греков. Отказ правительства Александра I от протектората над Ионическими островами привел на время к утрате надежд на установление национальной независимости Греции при помощи русского народа. Донесения Мочениго рисуют картину общего смутения и отчаяния на островах. Распространенным настроением на островах был страх перед господством наполеоновской Франции и величайшее сожаление об уходе русских сил с островов. Мочениго сообщал Александру, что вступление французских войск приветствовала лишь небольшая кучка католиков, и что «лишь несколько жалких до-

⁵⁹ Реляция 28 июня (10 июля) 1807 г. (АВПР, Канцелярия, 1807, д. 5029, лл. 204об., 205об.).

⁶⁰ A. Papadopoulos-Vretós. Op. cit., p. 10—11; Dora d'Istria. Op. cit., p. 400—401; J. W. Bagally. Ali pacha and Great Britain, Oxford, 1938, p. 40—41. Донесение Мочениго 1(13) апреля 1806 г. (АВПР, Канцелярия, 1806, д. 5022, л. 160).

⁶¹ Dora d'Istria. Op. cit., p. 401.

⁶² Th. Gordon. History of the Greek Revolution, London, 1832, vol. I, p. 40; J. W. Zinkeisen. Geschichte der griechischen Revolution, Leipzig, 1840, Bd. I, S. 42.

⁶³ Реляция Мочениго Александру I (АВПР, Канцелярия, 1807, д. 5029, лл. 71—74). Об участии греков в военно-морских действиях 1807 г. см. также Г. М. Мельников. Дневные морские записки, ч. II—III, СПб., 1873, стр. 357; И. Каллистов. Прорыв через Дарданеллы и Босфор. «Морской сборник», т. CCCLVI, № 1, 1910, стр. 7.

мов были иллюминированы посреди самого мрачного молчания»⁶⁴ и подробно описывал трогательные сцены прощания населения Ионических островов с русскими войсками. «Ныне, сударь,— писал он министру иностранных дел Будбергу,— каждый верный слуга е. и. в. может видеть по трауру и отчаянию большей части жителей, какие корни пустило в этих краях наше влияние и какую ошибку делали некогда, сомневаясь в этом»⁶⁵. Рассказы очевидцев этих событий подтверждают верность сообщений Мочениго. В день рождения Наполеона жители не дали французам иллюминировать дома, на торжественном представлении в театре не было ни одного из почетных граждан. Резким контрастом этому явилось общенародное празднование именин Александра I (что, конечно, было лишь предлогом для демонстрации дружеских чувств к России) — колокольный звон, пышная иллюминация, беспрепятственные возгласы «Да здравствует Александр, да здравствуют русские!» отметили этот день⁶⁶.

19 сентября (1 октября) эскадра Сенявина покинула Корфу. Это, как писал Мочениго, «довело до предела общее отчаяние»⁶⁷.

Такую же картину рисуют и русские современники этих событий. Русские войска и жители Корфу «прощались как друзья, плакали, уверяли друг друга в дружбе и в признательности»⁶⁸.

О непопулярности наполеоновского режима на Ионических островах, о глубоком сожалении, с которым жители их вспоминали времена покровительства России, говорят и ряд историков⁶⁹. Несмотря на всю безнадежность попыток сопротивления французским войскам, жители островов все же порой шли на это. Так, на о. Кефалонии и в ряде городов был поднят русский флаг, на о. Занте царило открытое недовольство⁷⁰.

Восьмилетнее покровительство России Ионическим островам оставило заметный след в их истории. Протекторат России над Ионическими островами способствовал экономическому их подъему. Русское правительство поощряло развитие ионической торговли на Черном море. В апреле 1803 г. торговым судам республики был разрешен свободный вход в русские черноморские порты. Россия потребовала также от Турции содействия черноморской торговле островов.

В 1805 г. по просьбе правительства республики на торговое мореплавание и на торговлю подданных республики в России были распространены преимущества наиболее благоприятствуемых наций. Ионическое правительство назначило в Одессу генерального консула. Пошлина на товары Ионической республики, идущие в русские черноморские порты, была уменьшена на 10%.

Принятые русским правительством меры во многих отношениях содействовали общему культурному развитию островов⁷¹. В начале 1803 г. было установлено регулярное почтовое сообщение островов с материком, что облегчало торговые сношения. Русские власти стремились также к прекращению родовой вражды, причинявшей много зла жителям островов. Далее, русские власти открыли в 1805—1806 гг. на о-вах Корфу, Занте, Св. Мавры так называемые нормальные школы, предназначенные для своего рода «политического воспитания» дворянской молодежи (нужно воспитывать «граждан, привязанных к своей родине», писал

⁶⁴ Мочениго Александру I 14(26) августа 1807 г. (АВПР, Канцелярия, 1807, д. 5029, лл. 216—217).

⁶⁵ Мочениго Будбергу 3(15) августа 1807 г. (там же, д. 5030, лл. 261—262об.).

⁶⁶ В. Броневский. Записки морского офицера, ч. III, СПб., 1819, стр. 185.

⁶⁷ Реляция Мочениго 25 сентября (7 октября) 1807 г. (АВПР, Канцелярия, 1807, д. 5029, л. 234—234об.).

⁶⁸ П. Свингин. Воспоминания на флоте, ч. II, СПб., 1819, стр. 234; см. также В. Броневский. Указ. соч., ч. III, стр. 185—186.

⁶⁹ E. Rodocanachi. Op. cit., p. 212—213; B. de St. Vincent. Op. cit., p. 301.

⁷⁰ E. Rodocanachi. Op. cit., p. 212—213.

⁷¹ Об этом см. K. Mendelssohn-Bartholdy. Op. cit., S. 13—14; Dora d'Istria. Op. cit., p. 400.

Александр I в рескрипте Мочениго)⁷². Преподавание в школах велось на родном языке; было улучшено положение учителей. Разумеется, школы эти никак не охватывали трудового населения островов, но в какой-то степени все же способствовали развитию просвещения.

Ряд мер русских властей был направлен к улучшению условий жизни населения. Так, на о. Занте было налажено снабжение жителей водой, приведены в порядок пути сообщения, соединявшие город и деревню; проведены работы по переоборудованию порта. На о. Корфу было построено «приличное убежище для карантина», при распространении эпидемических болезней в этих областях, при частоте и длительности карантинной меры эта была весьма существенна и полезна. На о. Паксо также было налажено водоснабжение и построен лазарет. В целях обороны о. Св. Мавры русские власти предприняли строительство большого канала, отделявшего остров от континента⁷³.

В итоге культурные связи островов с Россией укрепились; это нашло выражение, в частности, и в том, что русский язык получил на о. Корфу широкое распространение⁷⁴.

Французское господство, установившееся после Тильзитского мира, сменилось в 1815 г. английским протекторатом, ставшим в 20-х годах XIX в. еще более ненавистным населению. Та частичная самостоятельность, которой Ионические острова пользовались в период преобладания России, та относительно прогрессивная политическая система, которую установило русское правительство, были быстро сведены на нет. В истории Ионических островов в первой половине XIX в. 1799—1807 гг. были периодом наибольшего общественного подъема. Ионическая республика под протекторатом России была первым шагом к созданию греческого национального государства.

⁷² АВПР, Канцелярия, 1803, д. 4999, л. 11об.

⁷³ Реляция Мочениго 20 февраля (4 марта) 1806 г. (АВПР, Канцелярия, 1806, д. 5021, лл. 17—19).

⁷⁴ П. И. Панафидин. Письма морского офицера (1806—1809). «Морской сборник»; т. СССХСІІ, № 3, 1916, стр. 39.

